

УДК 81'42

А. М. Поликарпов, Т. Я. Кузнецова

**НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДИСКУРС
В XVII ВЕКЕ
(на материале трактата Соломона Губерта
«Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent»)**

5

Исследуются особенности формирования немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса как особого вида научного дискурса в XVII в. С позиций когнитивно-дискурсивной научной парадигмы проводится анализ трактата «Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent», созданного немецким пастором Соломоном Губертом в 1645 г. в Лифляндии. В качестве основного дифференцирующего признака исследуемого дискурса рассматривается лингвокультурный аспект институциональной коммуникации.

This article explores peculiarities of the formation of the German agricultural discourse as a special type of scientific discourse of the seventeenth century. The author performs a discursive and cognitive analyses of the treatise «Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent» written by the German pastor Salomon Gubert in Livonia in 1645. The linguocultural aspect of the institutional communication is considered as the main distinctive feature of the discourse.

Ключевые слова: дискурсивность, статусно-ориентированный дискурс, институциональная коммуникация, сельскохозяйственный дискурс, социальная активность, концепт, коммуникативное поведение, перформативность, индексальность, коллективность.

Key words: discursivity, status-oriented discourse, institutional communication, agricultural discourse, social activity, concept, communicative behavior, performativity, indexivity, collectivity.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении особенностей формирования немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса в XVII в., что требует решения следующих задач:

- 1) изучение исторических, социально-экономических и этнокультурных факторов, повлиявших на формирование немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса;
- 2) определение роли статусно-ориентированного общения в изучении немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса;
- 3) исследование немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса XVII в. с позиций признаков коммуникативного поведения участников, обусловленных эпистемическими предпосылками;
- 4) рассмотрение значимых для немецкоязычной сельскохозяйственной коммуникации концептов.



О немецкой книге пастора из Лифляндии Соломона Губерта «Stratagema oeconomicum oder AkkerStudent: denen jungen ungeübten Akkerleuten in Liefland zum nöthigen Unterrichte; vermittelt vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellet», впервые напечатанной в Риге в 1645 г., в России узнали во многом благодаря ее переводу на русский язык, сделанному великим русским ученым-энциклопедистом М. В. Ломоносовым. В переводе труд Губерта именовался «Лифляндская экономия» [12], хотя при развернутом переводе название должно было звучать следующим образом: «Экономическая стратегия, или Изучающим земледелие: в изложении к обязательному изучению молодыми неопытными земледельцами в Лифляндии, на основе многолетних наблюдений и мнений известных философов». Перевод был выполнен в 1747 г. в духе веяний эпохи Просвещения по заказу И. А. Черкасова, кабинет-секретаря Петра I и Екатерины I и личного секретаря Елизаветы Петровны, занимавшего передовые позиции в русской политической и экономической жизни 1740–1750-х гг.

Исследования немецкой научной литературы XVII в. показывают, что именно книга Соломона Губерта является одним из первых свидетельств формирования немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса. Вслед за первым изданием трактата «Stratagema oeconomicum oder Akkerstudent» в 1649 г. появилось второе, а в 1688 г. — третье издание [18, с. 456]. Всего же их было пять, и последнее вышло в 1757 г. [20, S. 187].

Самым ранним текстом, относящимся к немецкоязычному сельскохозяйственному дискурсу, можно считать рукопись «Liefländische Oeonomi oder Haushaltung» Захария Штопиуса, датируемую 1560–1570-ми гг. Помимо центрального для нашего исследования труда С. Губерта, представляющего зарождающийся немецкоязычный сельскохозяйственный дискурс, назовем еще одну книгу, появившуюся несколько позднее, в 1662 г., вероятно не случайно так же в Лифляндии, — «Liefländischer Landmann» Йоханна Херманна (род. в 1630 г.). Она была создана, очевидно, не без влияния идей Соломона Губерта, изложенных в книге «Stratagema oeconomicum oder AkkerStudent», и впервые опубликована в Риге в 1662 г. [19]. В связи с вопросом формирования немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса нельзя не упомянуть еще один труд — изданный в 1696 г. в Риге без указания авторства текст «Der getreue Amt-Mann oder Unterricht Eines guten Hauß-Halters» (см. [21, S. 189]).

Почему же эти первые немецкоязычные указания по ведению сельского хозяйства, относимые некоторыми немецкими учеными к жанру назидательной литературы (Ratgeberliteratur) [21, S. 184], появились именно в Лифляндии? Как известно, Лифляндия, или Ливония, — это исторический ландшафт Балтии, который располагался со 2-й четверти XIII в. вплоть до 1918 г. на территории современных Эстонии и Латвии, между Рижским заливом и Чудским озером. Исторически Лифляндия возникла в результате завоеваний германскими рыцарями-крестонос-



цами территорий, на которых издревле селились ливы¹. Население Лифляндии представляло собой смешение немецких завоевателей с местным балтийским населением. Господствующие классы (дворянство, бюргерство, крупные землевладельцы) в Лифляндии составляли немцы, в то время как крестьяне в подавляющем большинстве принадлежали к местному латышскому и эстонскому населению [5, с. 52, 64].

Следует отметить, что географически Лифляндия характеризовалась в основном равнинной, частично холмистой местностью, которая располагала к ведению сельского хозяйства. В первой половине XVII в., а именно в 1621 – 1629 гг., в результате войны между Швецией и Речью Посполитой большинство земель Лифляндского герцогства отошли Швеции. Во время правления шведского короля Карла IX земельные владения дворянства подверглись сильному сокращению, лишь $\frac{1}{6}$ часть их продолжала оставаться во владении балтийских немцев, остальные земли отошли в распоряжение Шведского королевства. Снабжая Швецию сельскохозяйственной продукцией, с середины XVII в. Лифляндия, образно говоря, стала ее зерновым амбаром, тем более что управлялась новая провинция Швеции генерал-губернатором, назначаемым королем Швеции. Повышенный спрос на хлеб стимулировал рост сельского хозяйства под управлением как немецких, так и шведских дворян, но вместе с тем наблюдалось увеличение барщинных повинностей крестьян [10]. Все это в итоге оказывало влияние на развитие сельского хозяйства, обуславливая внедрение более прогрессивных методов его ведения. В этих условиях стали появляться тексты рекомендательного характера для управления домашним хозяйством (*Ratgeberliteratur für die Haushaltung*), в том числе в сферах обработки земли, выращивания сельскохозяйственных культур, разведения скота и т. п.

Тексты такого характера мы будем причислять к немецкоязычному сельскохозяйственному дискурсу, понимая под данным термином институциональный тип коммуникации, реализуемый в целях информирования участников сельскохозяйственного производства и заинтересованных в его развитии лиц.

Исследованию русскоязычного и англоязычного сельскохозяйственных дискурсов с лингвистических позиций посвящен ряд работ отечественных ученых [8; 13; 14]. Немецкоязычный сельскохозяйственный дискурс до сих пор специальным исследованиям не подвергался (единственная обнаруженная нами работа на немецком языке ориентирована на социально-экономическое и политическое исследование сельскохозяйственного дискурса в Боливии [22]). Тем интереснее нам представляется возможность изучить особенности формирования немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса в XVII в. в русле актуального направления – когнитивно-дискурсивной научной парадигмы.

Важно рассматривать в контексте наших исследований дискурс не только как социальную деятельность прошлого, но и как институциональную коммуникацию, направленную на информирование опреде-

¹ О военных действиях Тевтонского ордена в первой половине XIII в. и возникновении Лифляндии см. подробнее в [1].



ленных слоев населения, в нашем случае — ориентирующую немецких землевладельцев Лифляндии и их представителей на поиск наиболее приемлемых способов организации жизни и работы подневольных им местных крестьян. Следует заметить, что зарождение и формирование немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса в Лифляндии в рассматриваемый период было связано с обращением достаточно прогрессивных представителей высшего немецкого общества к представителям слоев населения, владевших немецким языком и занимавшихся ведением сельского хозяйства.

Антропоцентричность используемой нами научной парадигмы предполагает обращение к человеку как участнику коммуникации. Этим также диктуется необходимость учета когнитивной составляющей. При исследовании немецкоязычного сельскохозяйственного дискурса язык понимается как орудие коммуникации, как форма жизнедеятельности человека, связанного с сельским хозяйством, как способ репрезентации, хранения и передачи знаний о мире. На передний план при этом выдвигается информирование о способах ведения сельского хозяйства. Вышеупомянутые лифляндские тексты XVII в., написанные на немецком языке, относятся к собственно новонаемецкому периоду, то есть периоду развития языка, «в который завершается формирование немецкого национального языка и протекает его дальнейшее развитие и совершенствование» [15, с. 211].

Интересно отметить, что в исследуемых немецкоязычных текстах XVII в. явно прослеживается дискурсивность, то есть «интегрированность текста в метапространство дискурса» [17, с. 176]. Вышеупомянутые тексты, относящиеся к сельскохозяйственному дискурсу, приобретают все те особенности, которые характеризуют последний, например, среди прочего обладают исторической детерминированностью. Вместе с тем эти тексты как продукты дискурсивной деятельности очевидно взаимосвязаны. Так, можно точно определить, что С. Губерт писал свою книгу, основываясь на рукописном тексте «*Liefflandische Oeconomi oder Haushaltung*», написанном его предшественником Захарием Штопиусом [21, S. 186]. Несмотря на то что эта объемная рукопись опубликована не была, с ней успели ознакомиться многие прогрессивно настроенные представители немецкого языкового сообщества, в том числе и С. Губерт, который во введении к первому изданию своей книги дает ссылку на данный рукописный источник, а 3-ю главу напрямую связывает с ним [21, S. 186].

Обратимся далее непосредственно к рассмотрению произведения С. Губерта. Сведений о жизни и творчестве автора нам удалось обнаружить совсем немного. Известно, что умер он в 1653 г., на протяжении жизни был немецкоязычным пастором в ливонских городах Лембурге (Малополсе) и Зунцеле, занимался среди прочего просвещением представителей балтонемецкой дворянской знати и землевладельцев. Среди немецкоязычных классиков — балтийских немцев С. Губерт по праву считается виднейшим представителем так называемой литературы «отцов семейства» (*Hausväterliteratur*) [21, S. 186].



При анализе трактата С. Губерта мы используем коммуникативно-дискурсивную стратегию, направленную на выявление особенностей, обусловленных эпистемическими предпосылками и условиями порождения в данной коммуникативной исторической ситуации [16, с. 21]. В основе нашего исследования лежит понимание дискурса как «речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [2, с. 137].

Мы изучаем труд С. Губерта как дискурсивную формацию, которая репрезентирует определенный тип социальной активности человека (сельскохозяйственной) в определенный исторический период (XVII в.), конструируя особый мир посредством его детального описания и являясь процессом коммуникации, который характеризуется его участниками, условиями его осуществления и целями.

Обычно дискурс исследуется на основании выделения личностно-ориентированного и статусно-ориентированного типов общения. Рассматриваемый дискурс относится к последнему. Под статусно-ориентированным общением будем понимать коммуникацию между людьми, относящимися к конкретной социальной группе, причем коммуниканты воспринимают друг друга в определенном качестве (в нашем случае имеются автор книги, сведущий в вопросах сельского хозяйства, и читатели-земледельцы, заинтересованные в получении информации по данным вопросам).

Статусно-ориентированный дискурс может репрезентироваться как в институциональном, так и в неинституциональном общении. Анализируемый трактат относится к институциональному дискурсу, который «включает сложившиеся в обществе типы общения, отражающие специфику соответствующего социального института» [6, с. 278]. Сельскохозяйственный дискурс является одним из видов институционального научного дискурса и репрезентируется совокупностью текстов, объединенных одной тематикой и обусловленных когнитивно и социально. Таким образом, институциональность в данном случае объясняется заинтересованностью в общем деле — улучшении существовавших на то время отношений в сфере сельского хозяйства.

Вслед за В.И. Карасиком мы будем придерживаться лингвокультурной концепции дискурса, которая включает три важнейших признака коммуникативного поведения: перформативность, индексальность и коллективность.

Под перформативностью понимают исполнение, презентацию того или иного коммуникативного действия. В качестве важнейшего аспекта перформативности следует рассматривать саморепрезентацию адресанта, которая проявляет его стремление произвести впечатление на других коммуникантов и позволяет намеренно или невольно сообщить значимую информацию о себе, включающую как статусные характеристики (принадлежность к той или иной лингвокультуре, возраст, гендер, социальная идентичность), так и ситуативные (степень серьезности, искренности, эмоциональности и пр.) [6, с. 281]. Как можно заме-



титель, перформативность показывает ситуативную встроенность в общение, ибо каждый из типов коммуникации репрезентирует тот способ общения, который обусловлен ситуацией [6, с. 283–284].

Под индексальностью общения будем, вслед за В. И. Карасиком, понимать способы конкретизации коммуникативной ситуации относительно темы, участников и способов общения. Помимо этого объективная характеристика компонентов ситуации создается способами обозначения личного и пространственно-временного дейксиса, использованием стандартных фраз и уникальных трансформаций языковых единиц [6, с. 285].

Коллективность как важнейший признак коммуникативного поведения заключается в том, что коммуникант «неизбежно встраивается в систему принятых в обществе способов картирования и оценки мира, то есть в систему культуры» [6, с. 286.]. Кроме того, члены общества, пользуясь единым языком, разделяют существующие в обществе взгляды на мир и правила отношений между людьми.

Таким образом, перформативность, индексальность и коллективность являются важнейшими конституирующими признаками коммуникативного поведения, позволяющими дифференцировать разные типы дискурса.

Трактат С. Губерта репрезентирует ситуацию, адресантом в которой выступает автор, позиционирующий себя как знатока объекта — сельскохозяйственной деятельности, о чем говорит заглавие книги — «Stratagema oeconomicum». Коллективным адресатом является читатель (староста, приказчик или зажиточный крестьянин, имеющий достаточный уровень грамотности). Научная книга — это труд, который по определению относится к креативной речевой деятельности, выражаемой научным дискурсом. Научный дискурс предполагает изложение и передачу научного знания от ученых к специалистам и обучающимся. Он основан на концептосфере, включающей концепты, репрезентируемые терминами. С. Губерт же в своем трактате использует в основном наивное знание о мире и оценочные установки. Это обусловлено и недостаточной сформированностью немецкого языка, и самим характером общения, в ситуацию которого «встраивается адресант». Адресант позиционирует себя как специалиста, владеющего профессиональными знаниями, хотя является пастором, а вовсе не земледельцем. Его пасторский статус обнаруживается буквально на каждой странице представляемого труда. «Экономическая стратагема» изобилует ссылками на библейские и прочие религиозные тексты, обосновывающие право заниматься сельским хозяйством, что носит «отпечаток богословской эрудиции автора» [3]. В предисловии к «Экономической стратагеме» Соломон Губерт объясняет, «почему он, лицо духовного звания, вдруг занялся писанием агрономической книги, а также отводит упреки в непонятности заглавия» [3]. Автор-пастор обосновывает создание книги своими профессиональными обязанностями, а именно чтением проповедей на сельскохозяйственные темы: *Vom Weinberge, Viererlei*



Acker, vom Brod, Glückhenne, vom guten Hirten, von Fischerei и т.д. [18]². Труд С. Губерта действительно включает ряд глав, отражающих различные аспекты организации сельскохозяйственного процесса. Приведем выдержки из оглавления: *Im ersten Theil: Cap. II. Von der Monatlichen Arbeit; Im zweiten Theil: Cap. I. Vom Unterschied der Lande; Cap. II. Vom Pflügen / Eggen; Cap. III. Vom SaatKorn; Cap. IV. Von der SaatZeit; Im dritten Theil: Cap. I. Von den Pferden; Cap. II. Von den Kühen; Cap. III. Von den Schaafen; Cap. IV. Von den Ziegen; Cap. V. Von den Schweinen; Cap. VIII. Von den Hünern; Cap. IX. Von den Gänsen; Cap. X. Von den Enten* [18]. В то же время трактат не лишен нравственно-догматического характера, особенно в самом начале, где говорится о христианских обязанностях. В анализируемом тексте явно прослеживается также личный опыт автора.

Наивная картина мира демонстрируется в трактате общеупотребительной лексикой. Когнитивно-организующий концепт ЗЕМЛЯ репрезентирован лексическими единицами, обозначающими:

а) территории посевов и связанные с ними виды работ: *Äkker* (S. 4), *MistAecker* (S. 102), *Berglande* (S. 13), *Hoflande* (S. 3), *das Feld* (S. 3), *die alten Lande* (S. 15), *solch Land* (S. 15), *wüsste Lande* (S. 15), *fette Lande* (S. 9), *Roggenländer* (S. 22), *RoggenLande* (S. 25), *Garten* (S. 23), *HopfenGarten* (S. 99), *Kohl-Garten* (S. 97), *Kraut-Garten* (S. 98), *Morasse* (S. 107), *Rödunge* (S. 102), *Gränßen* (S. 3), *Ackerwerk* (S. 1), *der Akkerbau* (S. 4), *Eggen* (S. 114), *Bemistunge* (S. 104), *Heuschläge* (S. 5), *Pflügen* (S. 114), *die Saat* (S. 4), *Bohnen säen* (S. 18) и т.д.;

б) зоны, занятые лесными угодьями: *Birkken* (S. 9), *Dannen* (S. 9), *Eichen* (S. 9), *EschenLenen* (S. 9), *Grenen* (S. 9) etc.;

в) зоны, занятые водоемами, и водные характеристики: *Flüsslein* (S. 12), *stehende Seen* (S. 11), *SpringWasser*, *BrunnWasser* (S. 14), *Teiche* (S. 12), *fischreiche Bäche* (S. 12), *Seen* (S. 12), *stehende Seen* (S. 11), *Wassergraben* (S. 113), *Stauunge* (S. 107), *Dämme* (S. 12), *Schleusen* (S. 12) и т.д.

Концепт ОБЪЕКТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА представлен лексическими единицами, номинирующими:

а) зерновые культуры: *Buchweizen* (S. 128), *Gerst* (S. 127), *Haber* (S. 7), *Hirse* (S. 127), *Korn* (S. 5), *Roggen* (S. 5), *Saat* (S. 5), *SommerWeizen* (S. 126), *Winterweizen* (S. 130), *Podolischer Weizen* (S. 133) и т.д.;

б) плодово-овощные культуры: *Äppfl* (S. 28), *Birn* (S. 28), *Bohnen* (S. 124), *Erbsen* (S. 26), *Burkanen* (S. 17), *Fruchtbäume* (S. 18), *der Kirschbaum* (S. 17), *KirschenBäume* (S. 23), *Knoblauchpflanzen* (S. 18), *Kohl* (S. 18), *Kürbs* (S. 16), *Linsen* (S. 124), *Merrettig* (S. 98), *Pflaumenbäume* (S. 23), *RuschAepffel* (S. 17), *Ruschäpfel* (S. 17), *Rettig* (S. 17), *Röhten* (S. 24), *Zipollen* (S. 18) и т.д.;

в) другие сельскохозяйственные культуры: *Flachs* (S. 26), *Hänf* (S. 26), *Hänff* (S. 27), *Hopfen* (S. 27), *Nicotian* (S. 26) и т.д.;

г) травы: *Brunellen* (S. 25), *Calmes* (S.26), *Ehrenpreiß* (S. 25), *Gardobenedicten-Blätter* (S. 25), *GeruchKräuter* (S. 26), *Kalmes* (S. 17), *Küchenkräuter* (S. 16), *Isop* (S. 28), *Majoran* (S.28), *Rauten* (S. 18), *Reinfahren* (S. 25), *Salbei* (S. 28), *Udra* (S. 25), *WundKraut* (S. 25), *Wermuth* (S. 25) и т.д.;

д) сельскохозяйственных животных и птиц: *das Fahsel* (S. 10), *das Viehe* (S. 5); *das trächtige Vieh* (S. 10), *Kälber* (S. 152), *Kühe* (S. 5), *Ochse* (S. 151),

² Дальнейший анализ осуществляется по изданию 1688 г. [18] с сохранением орфографии и указанием номера страницы в круглых скобках.



Pferde (S. 6), *Schaffe* (S. 16), *Schweine* (S. 163), *Steinbock* (S. 18), *Stier* (S. 18), *Ziegen* (S. 162), *Endten* (S. 15), *FederFahsel* (S. 15), *Gänse* (S. 10), *Hüner* (S. 15), *Tauben* (S. 177) и т.д.;

е) рыбу, раков и дичь: *Fische* (S. 111), *Ahl* (S. 15), *Barsen* (S. 12), *Hechte* (S. 11), *Karussen* (S. 12), *Krebse* (S. 21), *Elende* (S. 32), *Bären* (S. 32), *Hasen* (S. 29), *Rehen* (S. 34), *Wölffe* (S. 32) и т.д.

Концепт СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ репрезентирован лексическими единицами, номинирующими:

а) инструменты для внутриусадебных работ: *ein Beil* (S. 7), *ein großer Bohr* (S. 8), *ein kleiner Bohr* (S. 8), *Durchschläge* (S. 8), *ein Hammer* (S. 8), *eine starcke HandSage* (S. 7), *Harkken* (S. 8), *eine gute scharffe und stumpfe Kniepzange* (S. 8), *ein Lizing* (S. 8), *Norkken und Balkensage* (S. 7, 8), *dreikantliche Pfeile* (S. 8), *die Platfeilen* (S. 8), *ein Szuillex* (S. 7), *eine Zerpe* (S. 8) *ein Zwingbohr* (S. 8), *ein Zwingmesser* (S. 8) и т.д.;

б) механизмы и приспособления для сельскохозяйственных работ и их детали: *Schlitten* (S. 9), *Erbsenfarde* (S. 9), *BakkViehtröge* (S. 9), *Tröge* (S. 8), *Krippen* (S. 9), *Mulden* (S. 8), *Wagen-Achsen* (S. 9) и т.д.;

в) орудия рыбной ловли и охоты: *Fischgeräht* (S. 7), *ElendNeßen* (S. 7), *Hasenpfannen* (S. 7), *JagtRöhre* (S. 7), *Knebelspieße* (S. 7) и т.д.

Объем статьи не позволяет представить все концепты, репрезентирующие сельскохозяйственную деятельность. Концепт, понимаемый «как намек на возможное значение и как отклик на предшествующий языковой опыт» [11, с. 282], передает степень освоения мира через язык [7, с. 30]. Передача знания (эвристическая коммуникация) является основной целью исследуемого сельскохозяйственного дискурса (как, впрочем, и научного вообще) и обеспечивает адресанту главенствующую роль в общении. Адресант позиционирует себя именно в этом качестве, показывая, кроме того, что его высокий статус неотделим от соблюдения моральных норм. Он предъявляет коллективному адресату оценочные установки и ценностные ориентиры поведения, соотнося их с религиозными догматами. Автор эксплицирует свое понимание крестьянства как особой общности людей, объединенных деятельностью на земле и осознанием своего назначения и ответственности. Трактат включает главу «Vom Amt eines Ackermanns» («О должности земледельца»), где адресант приводит основные правила, которыми, на его взгляд, должен руководствоваться земледелец. Он сопровождает эти положения многочисленными пассажами из Библии и других религиозных источников. Апеллируя к Богу, адресант позиционирует себя как высокоморальную личность. Ему можно доверять и нужно принимать на веру все, что он излагает в своем трактате. Он серьезен, искренен, и его советы, а подчас, как мы увидим позже, и требования, которые он предъявляет к земледельцу, имеют основания: он «имеет право» и в когнитивном (сохранение и передача знаний), и в социальном, и в моральном ключе. Между тем в современном научном дискурсе стихийное обобщение своего опыта не применяется, для формулирования выводной идеи в качестве методов используются дедукция и индукция. Пресуппозиции в научном дискурсе выступают в качестве основы для



дальнейшего развития теории и носят научный, но не нравственный характер. В анализируемом трактате мы обнаруживаем иную ситуацию, и это подтверждает наше суждение о том, что сельскохозяйственный дискурс находился в указанный период в стадии формирования.

Индексальность в трактате, репрезентирующем сельскохозяйственный дискурс, конкретизирует коммуникативную ситуацию, создаваемую адресантом (автором труда), адресатом (коллективным образом читателя-земледельца), пространственно-временным дейксисом (погружающим в эпоху прошлого – XVII в.), мотивами (просветительская и нравственно-назидательная деятельность). Цель рассматриваемого дискурса – передача знаний о сельскохозяйственном производстве – определила стратегию информирования, в которой адресант выступает интерактивно доминирующим субъектом. Вместе с тем дискурс – это процесс, включающий не только передачу информации, но и представляющий собой диалог/полилог (эксплицитную или имплицитную обратную связь между участниками) [9, с. 304]. Каждый речевой акт – это преднамеренное вмешательство в систему знаний, убеждений, намерений, желаний и оценок адресата [22, S. 18].

В результате лингвистического анализа выявлено, что адресат обозначается в трактате следующими языковыми единицами: прямой номинацией (*künftiger Leser, Akkermann, Amtmann, AmtsVerwalter*), метонимией (*Gehöff*), местоименными субститутами (*er, sie*): *Er soll sich wahrhaftig / aufrichtig / nach Vermögen behüfflich allezeit finden lassen* (S. 2). Он может быть репрезентирован личным местоимением *du* в неопределенно-личной функции либо императивной формой глагола второго лица единственного числа, между тем непосредственного контакта между адресатом и адресантом (тем более коллективным) нет: *Willst du wissen / wie viel täglich der zunehmende Mond zu / und der abnehmende Mond abnehme / so besihe nachfolgende Tabel...* (S. 33). Активно реализуются неопределенно-личные структуры в их первичной функции: *Destohalden sol man etlichen Kühen Glocken anhängen...* (S. 5). Адресат в данном случае не обозначен, но подразумевается. Высказывание выполняет не просто информационную функцию. Используя его, адресант оказывает воздействие на адресата, давая ему совет. Степень воздействия усиливается, когда указано время его исполнения: *Zwei Tage nach dem vollen Monde säet man Rettig* (S. 22).

Рассматривая репрезентацию сельскохозяйственного дискурса с точки зрения наличия в нем диктума и модуса и трактуя диктум как отображение объективного внеязыкового содержания, а модус как отношение адресанта к этому содержанию (по Ш. Балли), следует обратить внимание на языковые средства, посредством которых адресант осуществляет воздействие на адресата. В анализируемом трактате широко используется модальность необходимости. Можно констатировать значительное количество структур, начинающихся с *Man soll*. Во второй главе первой части – «Von der Monatlichen Arbeit» – каждый новый фрагмент начинается с названия месяца и использования указанной неопределенно-личной модальной структуры с инфинитивом: *Februarius. Man soll das gefüllte Bauholz außführen* (S. 10). В результате этого высказывания получают императивность и большую категоричность.



Как можно заметить, модальность передает не только высокий социальный статус адресанта, но и его признание со стороны коллективного адресата. Следовательно, можно судить о высокой степени предсказуемости перлокутивного эффекта.

В трактате С. Губерта отражается коммуникативное поведение его автора. Пастор писал о Лифляндии, где он проповедовал, для тех, кто живет на этой земле и ее обрабатывает. Время, в котором разворачивался процесс написания трактата, — XVII в. Отмеченные особенности пространственно-временного дейксиса находят свое выражение в сельскохозяйственном дискурсе. К этому периоду немецкий литературный язык еще не сложился. Немецкоязычный научный дискурс находился в процессе формирования. Автор смешивает в коммуникативном поведении разные ипостаси своей личности: он выступает как учитель и ментор, как священнослужитель, а нередко и как частное лицо: *Ich habbs umb Bartholomai im Keller gehalten / es hat wohl gesehenet* (S. 121).

Коллективность как признак коммуникативного поведения в исследуемом дискурсе особенно явно проявляется в использовании аргументации. Как известно, посылки аргументов могут быть двух планов: реального и предпочтительного. В первом случае опираются на установленные истины и факты, во втором — апеллируют к культурным, нравственным и прочим ценностям. В рассматриваемом трактате адресант обращается как к реальным фактам и своему личному опыту, так и к высшим ценностям.

Таким образом, анализ трактата С. Губерта с когнитивно-дискурсивных позиций позволяет выявить его назидательный характер, обнаружить отражение в нем наивной сельскохозяйственной картины мира и зачатки научного мышления. На основании выделенных признаков коммуникативного поведения как критериев научного сельскохозяйственного дискурса можно констатировать наличие в трактате саморепрезентации адресанта — автора трактата — как идеологической и высокоморальной личности, дифференциации социальных категорий адресанта и адресата, а также специфического для рассматриваемой эпохи пространственно-временного дейксиса. Эти черты, нехарактерные для современного научного дискурса, позволяют заключить, что немецкоязычный научный сельскохозяйственный дискурс находился в XVII в. в стадии формирования.

Список литературы

1. Арбузов А.Л. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1908.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
3. Берков П.Н. Ломоносов и «лифляндская экономия» // Ломоносов : сб. ст. и матер. / АН СССР. Т. 2. М.; Л., 1946. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/lomonos/serial/sb2/sb2-271.htm> (дата обращения: 08.07.2016).
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
5. Жирмунский В.М. История немецкого языка М., 1956.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.
8. Карипиди А.Г. Агрономический дискурс: понятийно-терминологические и концептуальные основания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.



9. Лейчик В. М. Дискурс и текст // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики : сб. ст. М., 2009. Кн. 4. С. 292–305.

10. Лифляндия и Эстляндия // История культуры : [сайт]. URL: <http://www.culturhistory.ru/istoriya-otechestva-18/liflyandiya-estlyandiya> (дата обращения: 30.06.2016).

11. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997. С. 280–287.

12. Ломоносов М. В. Лифляндская экономия // Полн. собр. соч. Т. 11 : Письма, переводы, стихотворения, указатели / пер. с нем. яз. Л., 1983. С. 72–152.

13. Олянич А. В., Сухова Е. А. Агро- или сельскохозяйственный дискурс // Дискурс-Пи. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 178–180.

14. Сухова Е. А. Лингвосомиотическая актуализация знаков агроинженерии в англо- и русскоязычном сельскохозяйственном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2 : Языкознание. 2015. №3 (27). С. 80–86.

15. Филичева Н. И. История немецкого языка : курс лекций. М., 1959.

16. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2005.

17. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. М., 2009.

18. Gubert S. Stratagema oeconomicum oder AkkerStudent: denen jungen ungeübten Akkersleuten in Liefland zum nöthigen Unterrichte; vermittelt vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellt. Nun aufs neue übersehen und mit natürlichen Registern verbessert. Riga, 1688.

19. Hermann J. Liefländischer Landman. Riga, 1662.

20. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung von Friedrich-Conrad Gadebusch, Justizbürgermeister der kaiserlichen Stadt Dörpat. Erster Theil. Riga, 1777.

21. Plath U. Stille im «Haus». Hausvater, Verwalter und transkulturelle Gesellung in der baltischen ökonomischen Literatur zwischen 1750 und 1850 // Ehe, Haus, Familie: soziale Institutionen im Wandel 1750–1850 / (Hrsg.) I. Schmidt-Voges. Köln ; Weimar, 2010. S. 179–208.

22. Radhuber I. Die Macht des Landes: Der Agrardiskurs in Bolivien: eine Analyse der sozialen, politischen und wirtschaftlichen Vorstellungen und der Machtbeziehungen. Münster u. a., 2009. (Investigaciones. Forschungen zu Lateinamerika, Bd. 12).

Об авторах

Александр Михайлович Поликарпов – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск.

E-mail: a.polikarpov@narfu.ru

Татьяна Яковлевна Кузнецова – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск.

E-mail: kuz1971@atnet.ru

About authors

Prof. Alexander Polikarpov, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk.

E-mail: a.polikarpov@narfu.ru

Prof. Tatyana Kuznetsova, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk.

E-mail: kuz1971@atnet.ru